

Г. М. КЕРТ

ЗНАЧЕНИЕ СААМСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ФИННОУГОРСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Саамский (лопарский) язык принадлежит к финноугорской семье языков. Принадлежность саамского языка к финноугорской семье языков доказывается общностью значительной части словарного состава, имеющего соответствия в родственных языках, а также относительной общностью грамматического строя саамского языка с грамматическим строем других финноугорских языков. На саамском языке говорит коренное население Кольского полуострова (около 2 тыс. человек), а также население, проживающее на севере Фенно-Скандинавского массива (в общей сложности около 33 тыс. человек).¹ Саамский язык в своей совокупности не представляет однородного явления, а распадается на множество диалектов. Поэтому в финноугорской литературе принято говорить не о едином саамском языке, а о саамской речи, понимая этот термин в широком смысле слова.

Как известно, финноугорские языки принадлежат к агглютинирующим языкам. Однако саамский язык в этом отношении представляет собой несколько особое явление. В саамском языке агглютинация сочетается с сильно развитой флексией основы. В саамском языке чередуются почти все гласные и согласные звуки. Это своеобразие саамского языка явилось причиной длительного спора о его происхождении.

Уже в середине XIX века было замечено, что саами и финны в антропологическом отношении, а именно в строении черепа, сильно отличаются друг от друга. Известный исследователь финноугорских языков Матиас Кастрен высказал мнение о том, что носители саамского языка пришли из Саян в Европу, где они и восприняли финноугорскую речь.² Известный исследователь саамского языка (диалекта Луле) К. Б. Вилкунд высказал предположение о том, что саамский язык первоначально был иным, что саами восприняли свой настоящий язык от своих финских соседей и поэтому в какое-то время саамский язык был идентичным с финским.³ Приблизительно на той же точке зрения стоял и крупнейший финский ученый Э. Н. Сетеле.

¹ А. Г. Эндюковский. Саамский (лопарский) язык, сб. „Языки и письменность народов севера“, часть I, Учпедгиз, М.—Л., 1937, стр. 125.

² См. статью Д. В. Бубриха „К вопросу об отношении между самоедскими и финноугорскими языками“, Изв. АН СССР, т. VII, вып. 6, 1948, стр. 516.

³ К. В. Wiklund. Entwurf einer Uralpischen Lautlehre. Memoires de la Societe Finno-Ougrienne, X, Helsingfors, 1896, стр. 8.

Он считал, что процесс соприкосновения саамов с финнами и принятие ими финского языка произошел значительно раньше, чем это предполагал К. Б. Виклунд, т. е. еще в финноугорскую общность.¹

Вопрос о происхождении саамского языка не оставался без внимания и в последующие годы. В 1934 г. появилась статья П. Равила, в которой автор на основании довольно обстоятельного исследования фонетики и морфологии пришел к выводу, в значительной части приближающемуся к мнению К. Б. Виклунда.²

В 1948 г. появилась статья советского финноугроведа Д. В. Бубриха „К вопросу об отношении между самоедскими и финноугорскими языками“, в которой также указывается на близость саамского языка к самоедским языкам. Автор статьи пишет: „На самоедов приходится смотреть как на очень древних северян, в глубочайшей древности они соприкасались с лопарями, тоже очень древними северянами“.³

Нет нужды подробно описывать точки зрения различных авторов на данный вопрос. Обстоятельно история вопроса освещена Ю. Х. Тойвоненом в статье „К проблеме протолопарей“.⁴

Высказываясь за самоедское происхождение саамов, Ю. Х. Тойвонен приводит до 50 саамских слов, которым находит соответствия в самоедских языках. Т. Итконен приводит еще 11 слов из саамских диалектов, родственных языку ханты.⁵

В настоящее время, благодаря работам Д. В. Бубриха, Ю. Х. Тойвонена, П. Хайду⁶, И. Шебештьен⁷, самоедское происхождение саамов можно считать в достаточной мере решенным. Однако вопрос: „где же, когда же и при каких условиях произошли эти саамско-самоедские и (обско-)угорские сношения“⁸, остается нерешенным.

Разрешение этого вопроса в значительной степени зависит от привлечения новых материалов. Такие материалы могут быть приведены только при более тщательном исследовании восточно-саамских диалектов, изучение которых всегда отставало от изучения других саамских диалектов.

Уяснение происхождения саамского языка позволит глубже осветить вопросы этногенеза коренного населения и заселения Севера. Еще в русских летописях было зафиксировано, что саами обитали в районе современного гор. Петрозаводска. О проживании саамов южнее их настоящего местопребывания говорит топонимика Финляндии, где имеется значительное количество коренных саамских названий.⁹

¹ E. N. Setälä. „Valvoja“, Helsinki, 1894, стр. 545.

² P. Ravila. Die Stellung des Lappischen innerhalb der finnisch-ugrischen Sprachfamilie, „Finnisch-Ugrische Forschungen“, XXIII, Helsingfors, 1934, стр. 20—65.

³ Д. Бубрих. „К вопросу об отношении между самоедскими и финноугорскими языками“. Изв. АН СССР, отд. лит. и языка, том VII, вып. 6, 1948, стр. 517.

⁴ Y. H. Toivonen. Zum Problem des Protolappischen, Sitzungsberichte der finnischen Akademie der Wissenschaften, 1949, Helsinki, 1950, стр. 161.

⁵ T. Itkonen. Ost'akisch-lappische Wortvergleichen, Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia, XCVIII, Helsinki, 1950, стр. 133.

⁶ П. Хайду. К этногенезу венгерского народа, Acta Linguistica, Akademiae Scientiarum Hungaricae, т. II, Budapest, 1953.

⁷ I. N.-Sebestyen. Beiträge zum Problem der protolappischen Sprache, Acta Linguistica, Akademiae Scientiarum Hungaricae, т. III, Budapest, 1953, стр. 291.

⁸ П. Хайду, цитируемая работа, стр. 307.

⁹ T. I. Itkonen. Lappalaisperäisiä paikannimiä suomenkielen alueella, „Virittäjä“, 1920, стр. 1; T. I. Itkonen. Lisiä Keski- ja Etelä-Suomen lappalaisperäiseen paikannimistöön, „Virittäjä“, 1926, стр. 33.

Саамская топонимика простиралась на юг вплоть до Ленинграда. Проф. Д. В. Бубрих писал по этому поводу: „граница между прибалтийско-финским населением и саамами была в прошлом подвижной: саамы шаг за шагом оттеснялись по крайней мере от 60° сев. широты на север“.¹

Интересно отметить, что на территории Карельской АССР и частично Архангельской области встречаются географические названия, не имеющие соответствий в других финноугорских языках. Эти наименования мест находят соответствия в лексике, относящейся к саамскому субстрату, т. е. к лексике, которая не имеет соответствий в прибалтийско-финских языках, и, в частности, в финском языке. На берегу Белого моря имеется станция Нюхча, по соседству с ней в Архангельской области есть река Нюхча и озеро Нюхчозеро. В саамском языке (кильдинский диалект) *n'uhč* означает „лебедь“; в Архангельской области поселок Муньга, *mun'n'* в саамском языке означает „мороз“ (*-ga* — распространенный финноугорский суффикс); в Карельской АССР имеется Няльм-озеро, *n'al'm* в саамском языке означает „глотка, пасть“; Навдь-озеро, *navd'* в саамском языке означает „зверь“. Такие примеры можно было бы значительно продолжить.

О важности данных саамского языка для исторического освещения вопросов коренного населения народов Севера еще в 1911 году русские академики И. А. Бодуэн-де-Куртэнэ, Ф. А. Браун, С. К. Булич, К. Г. Залеман, С. Ф. Ольденбург, В. В. Радлов, А. Д. Руднев, Ф. Ф. Фортунатов и А. А. Шахматов в „Записке“ по вопросу о мерах к обеспечению преподавания и изучения финноугорских языков в России писали: „Немаловажным представляется и вопрос о русско-лопарских отношениях. Исследования профессора Виллунда показали, что Лопари, жившие некогда гораздо южнее, чем теперь, около 700 года после Р. Х. заняли Кольский полуостров, причем в это время в их языке уже существовали славянские заимствования. Откуда шли эти заимствования — взяты ли заимствованные ими слова непосредственно у Славян, или шли через посредство Финнов — вот что существенно важно при определении славянской прародины“.²

В связи с вопросом о заимствованиях интересно отметить, что в диалектах кольских саамов насчитывается более шестидесяти заимствований из германских языков³. Эти слова были заимствованы в древнее время, причем не через посредство финнов, язык которых, как предполагают, восприняли саами, а непосредственно. Характерно, что некоторые из заимствований не имеют соответствий в финском языке. Например: саамск. (кильд.) *par'n'* „мальчик, ребенок“, древнегерм. *barna*, шведск. *barna*, сравни финск. *poika* „мальчик“; саамск. (кильд.) *al'm* „небо“, немецк. *der Himmel*, сравни финск. *taivas* „небо“; саамск. (чальмны-варрский говор) *ros's'e* „конь, лошадь“, древнегерм. *hrossa*, немецк. *des Ross*, сравни финск. *hevonen* „лошадь“; саамск. *mann* „месяц, луна“, древнегерм. *mano*, немецк. *der Monat*, сравни финск. *kuu* „месяц“; саамск. *akš* „топор“, древне-

¹ Д. В. Бубрих. Из этнонимии Карелии, Учен. зап. ЛГУ, серия востоковедч. наук, вып. 2, изд. 1948, стр. 127.

² Приложение к протоколу заседаний Историко-филологического Отделения 27 апреля 1911 года, Известия Императорской Академии наук, VI серия, том V, 1911, стр. 863.

³ К. В. Wiklund. Die nordischen Lehnwörtern in den russisch-lappischen Dialekten, Journal de la Societe Finno-Ougrienne, X, 1892, стр. 146.

герм. *aksio* > *oakše*, немецк. *der Axt*, сравни финск. *kirves* „топор“; саамск. *silp* „серебро“, древнегерм. **silbra*, немецк. *das Silber*, сравни финск. *hopea* „серебро“.¹

Детальное изучение лексики кольских диалектов саамского языка позволило бы найти новые соответствия, причем сравнение аналогичных заимствований по другим диалектам, а также в финском языке позволило бы, до некоторой степени, установить и хронологию этих процессов.

Однако значение саамского языка далеко не исчерпывается только той ролью, которую могут сыграть данные саамского языка при разрешении исторических вопросов. Более важное значение имеет изучение саамского языка с лингвистической точки зрения. Факты саамского языка могут принести определенную пользу при выяснении происхождения той или иной грамматической категории не только прибалтийско-финских, но и других финноугорских языков.

Особую важность приобретает изучение саамских диалектов Кольского полуострова. По своему словарному составу и грамматическому строю в семье финноугорских языков саамский язык наиболее близок к финскому (*suomi*) языку. Близость этих языков обнаруживается как в значительной общности словарного состава с определенными фонетическими соответствиями в обоих языках, так и в некоторых соответствиях грамматических категорий. Кроме того ряд общностей наблюдается в типологической структуре, т. е. в синтаксических конструкциях, образующих словосочетания того и другого языка.

В финноугорской литературе имеются работы, посвященные сравнению словарного состава саамского и финских языков.² Однако в этих работах сравниваются диалекты только западных саамов. Кроме того, в работе Т. И. Итконена приводятся факты из различных диалектов, т. е. не берется один диалект как система.

Ниже приведем некоторые фонетические соответствия в саамском (кильдинский диалект) и финском языках.

Саамскому *a* в первом слоге слова соответствует в большинстве случаев финское *a*, например:

саамск.	финск.	
<i>tal'v</i>	<i>talvi</i>	зима
<i>tah'te³</i>	<i>tahtoa</i>	хотеть
<i>ar'vdε</i>	<i>arvata</i>	отгадывать
<i>kan'n'</i>	<i>kana</i>	курица
<i>lampes'</i>	<i>lammas</i>	овца
<i>san'n'</i>	<i>sana</i>	слово
<i>pall</i>	<i>pallo</i>	мяч, шар

В некоторых случаях саамскому *a* в первом слоге слова соответствует финское *i*, например:

¹ Древние формы приведены по Виклунду, см. цитируемую работу.

² J. K. Qvigstad. Beiträge zur Vergleichung des Verwandten Wortvorrathes der Lappischen und der finnischen Sprache, Acta Societatis Scientiarum Fennicae, XII, 1883, стр. 113—240; Т. И. Итконен. Lappalais-suomalaisia sananvertailuja, Journal de la Societe Finno-Ougrienne, XXXII, 1916—20 и продолжение в Memoires de la Societe Finno-Ougrienne, LVIII, 1928.

³ Знаком *ε* обозначается открытое заднее *e*.

саамск. <i>randt'</i>	финск. <i>rinta</i>	грудь
<i>lan'n'</i>	<i>linna</i>	замок, дворец
<i>adč</i>	<i>isä</i>	отец
<i>čal'm</i>	<i>silmä</i>	глаз

Другие соответствия саамскому *a*:

саамск. <i>a</i>	финск. <i>e</i>	
<i>tar'v</i>	<i>terva</i>	смола
<i>a</i>	<i>u</i>	
<i>maN'N'</i>	<i>muna</i>	яйцо

Саамскому *o* в первом слове соответствует финское *u*, например:

саамск. <i>toll</i>	финск. <i>tuli</i>	огонь костра
<i>oske</i>	<i>uskoa</i>	верить
<i>olken'</i>	<i>ulkona</i>	на улице
<i>odt</i>	<i>uusi (uude-)</i>	новый
<i>logk</i>	<i>lukea</i>	читать, считать
<i>komrende</i>	<i>kumartua</i>	кланяться
<i>kol'l'</i>	<i>kulta</i>	золото
<i>sovij</i>	<i>suvi</i>	лето

финское *a* или *i*, например:

саамск. <i>oNk</i>	финск. <i>hanki</i>	наст
<i>olghe</i>	<i>alkaa</i>	начинать
<i>lost</i>	<i>lastu</i>	щепка
саамск. <i>o</i>	финск. <i>i</i>	
<i>tonn</i>	<i>sinä</i>	ты
<i>monn</i>	<i>minä</i>	я
<i>lon't'</i>	<i>lintu</i>	птица

Саамскому *u* в первом слове соответствуют финское *a*, *uo*, *uu*, *o*, например:

саамск. <i>suvv</i>	финск. <i>savu</i>	дым
<i>kull'</i>	<i>kala</i>	рыба
<i>kuht</i>	<i>kaksi (kahte-)</i>	два
<i>kun'te</i>	<i>kantaa</i>	нести
<i>vurεč</i>	<i>varis</i>	ворона
саамск. <i>u</i>	финск. <i>uo</i>	
<i>sunn</i>	<i>suoni</i>	жила
<i>sul'l'</i>	<i>suola</i>	соль
<i>lun'n'</i>	<i>luona</i>	у, возле
<i>ludt</i>	<i>luo'i</i>	пуля
<i>nur'r'</i>	<i>nuora</i>	веревка
<i>nurr</i>	<i>nuori</i>	молодой

саамск.	финск.	
<i>u</i>	<i>uu</i>	
<i>kullε</i>	<i>kuulla</i>	слышать
<i>šurr</i>	<i>suuri</i>	большой
<i>kuss</i>	<i>kuusi</i>	ель
саамск.	финск.	
<i>u</i>	<i>o</i>	
<i>surmas</i>	<i>sormus</i>	кольцо
<i>pulv</i>	<i>polvi</i>	колени
<i>kušk</i>	<i>koski</i>	водопад

Некоторые соответствия в согласных звуках. Саамскому *č* соответствует финское *s*, например:

саамск.	финск.	
<i>č</i>	<i>s</i>	
<i>čiNlas</i>	<i>syvä</i>	глубокий
<i>čud't'</i>	<i>sata</i>	сто
<i>čal'm</i>	<i>silmä</i>	глаз
<i>čehč</i>	<i>syksy</i>	осень
<i>večer</i>	<i>vasara</i>	молот
<i>čuε'l'm</i>	<i>salmi</i>	залив
саамск.	финск.	
<i>š</i>	<i>s</i>	
<i>šente,</i>	<i>syntyä</i>	родиться
<i>šurr</i>	<i>suuri</i>	большой
<i>šolše</i>	<i>sääliä</i>	жалеть
<i>šag'k'</i>	<i>sika</i>	свинья
<i>kentaš</i>	<i>kynnys</i>	порог (дверной)
<i>kirše</i>	<i>kärsiä</i>	терпеть
<i>εštε</i>	<i>istua</i>	садиться
<i>εNN ~ iNN</i>	<i>ää</i>	
<i>jiNN</i>	<i>jää</i>	лед
<i>šεN</i>	<i>sää</i>	погода

Характерной фонетической особенностью, общей для финского и саамского языков, является чередование согласных звуков (такое явление имеет место и в других прибалтийско-финских языках: карельском, эстонском и частично (остатки) в вепсском).

Впервые мысль о финноугорском происхождении чередований согласных была высказана Отто Доннером в статье „Современное родство финноугорских языков“.¹ Однако только впоследствии Э. Н. Сетеле создал теорию, в которой доказывал финноугорское происхождение этого явления.²

В последнее время все настойчивее высказывается мысль, что чередование ступеней согласных не общесамое финноугорское явление,

¹ O. Donner. Die gegenseitige Verwandtschaft der finnisch-ugrischen Sprache, Acta Societatis Scientiarum Fennicae, XI, 1879.

² E. Setälä. Über quantitätswechsel im finnisch-ugrischen, Journal de la Societe Finno-Ougrienne, XIV, Helsinki, 1896.

а прибалтийско-финское. Так, например, Ю. Х. Тойвонен в цитированной выше статье утверждает, что чередование ступеней согласных, будучи заимствованным саамами у самоедов (селькупский язык имеет чередование ступеней согласных), было впоследствии воспринято прибалтийскими финнами у саамов.

В саамском языке явление чередования ступеней согласных представлено значительно шире, чем в финском языке. Несомненно, что изучение чередования гласных и согласных в саамском языке внесло бы определенный вклад в разрешение истории происхождения этого довольно сложного явления.

Значительные соответствия между финским и саамским языками имеются в грамматической структуре. Так, падежи элатив, абессив, аккузатив (множ. ч.), эссив имеют идентичные показатели в саамском и финском языках, например: *monn uinse tinet'* и *minä näin teidät* „я видел (увидел) вас“ (аккузатив); *mun vilij pude Leningradεs't'* и *minun veljeni saapui Leningradista* „мой брат приехал из Ленинграда“ (элатив); *mun tovrūž robhuž učitelεn'* и *minun toverini työskentelee opettajana* „мой брат работает учителем“ (эссив); *sonn čuike sav'he al'n' kabpr'ahta* и *hän hiihti lakitta* „он ехал на лыжах без шапки“ (абессив).

Показатель сравнительной степени в саамском языке одинаков с показателем сравнительной степени в финском языке. Общее происхождение имеют притяжательные суффиксы в саамском и финском языках.

Значительное количество общностей имеется в глаголе. К таким относятся показатель сослагательного наклонения (саамск. -*č-*, финск. -*isi-*), различные словообразовательные суффиксы, выражающие каузативность, мгновенность, длительность и т. д. Несомненно, что эти общности имеют глубокий генетический характер. В этой связи важны те моменты грамматического строя саамского языка, которые проливают свет на происхождение тех или иных категорий родственных языков.

В финском языке исторически имелся *k*-овый показатель множественного числа. В настоящее время этот показатель исчез, сохранившись лишь в некоторых диалектах, а также в виде аспирации. Л. Хакулинен по этому поводу пишет: „Считают, что *k* встречается в номинативе множественного числа личных местоимений, а также в конце личных окончаний глаголов множественного числа и притяжательных суффиксов, указывая на множественность деятеля или владельца: *me(')* „мы“ < *mek*; *te(')* „вы“ < *tek*; *he(')* „они“ < *zek*; *saamme* (1 л. мн. ч. от *saada* „получать“) < *saakme-k*; *...talomme* „наш(и) дом(а)“ (от *talo* „дом“) < *talonme-k*“.¹

Финскому *-k* в саамском языке соответствует *-gk*, например, финск. *sika* „свинья“, саамск. *šag'k'*. В саамском языке этот *-gk* (признак множественного числа) сохранился хорошо в местоимениях, например:

а) вопросительные местоимения

Ед. ч.	Множ. ч.
<i>kie</i> кто	<i>kiegk</i> кто
<i>mi</i> что	<i>megk</i> что

¹ Л. Хакулинен. Развитие и структура финского языка, часть I. Фонетика и морфология, М., 1953, стр. 82.

б) указательные местоимения

Ед. ч.		Множ. ч.
<i>tadt</i>	этот	<i>tagk</i> эти
<i>tɛdt</i>	тот	<i>tɛgk</i> те
<i>tudt</i>	тот (более удаленный)	<i>tugk</i> те
<i>te(o)lettɛ</i>	„тот“ (наиболее удаленный)	<i>te(o)lɛgkɛ</i> те

в) отрицательные местоимения

Ед. ч.		Множ. ч.
<i>nikie</i>	никто	<i>nikiegk</i> никто
<i>nimie</i>	ничто	<i>nimiegk</i> ничто

г) относительное местоимение

Ед. ч.		Множ. ч.
<i>ku</i>	который	<i>kugk</i> которые

В истории прибалтийско-финского языка-основы имели место звуковые переходы $s > h$. Сравни: морд. *son* „он“ — финск. *hän* „он“; морд. *sin* „они“ — финск. *he* „они“. Характерно, что литво-латышские заимствования в саамском языке не претерпели перехода $s > h$, в то время как в финском языке в соответствующих словах такой переход совершился. Я. Калима приводит примеры таких балтийских заимствований в прибалтийско-финские языки, в которых имеет место звукопереход, например: финск. *hanhi* „гусь“, вепсск. *han'h*, эст. *hani* из литовского *žansis* (в соврем. литовском *žasis*), в саамском такого перехода нет — *čue'n'n'*; или финск. *lohi* „лосось“, вепсск. *loh'i*, из древнелитовского *lašis*, в саамском языке *luss* „семга“; финск. *halla* „заморозки, мороз“, вепсск. *hall*, эст. *hall* из литовского *šalna*, в саамском без перехода — *sul'n* „иней“; финск. *heinä* „сено“, вепсск. *h'ein*, южноэст. *hain* из литовского *šienas*, в саамском *suin* „трава, сено“.¹

Этот факт говорит, во-первых, о том, что в период, когда происходили литво-латышские заимствования в прибалтийско-финские языки, саами находились в тесной близости с прибалтийскими финнами; во-вторых, что саамские племена разошлись с прибалтийско-финскими еще до того, как в прибалтийско-финском языке начался переход $s > h$, в саамском же языке этот переход не произошел.

В финском языке исторически были звукопереходы $ln > ll$ и $sn > ss$, т. е. ассимиляция. Замечательно то, что в саамском языке этот переход не произошел: сравни саамск. *al'n'* „под, внизу“, финск. *alla* „под“; саамск. *sizn'* „в середине“, финск. *sisässä* „внутри“.

Этот факт доказывает происхождение вторичных так называемых внутренне-местных и внешне-местных падежей на основе первичных падежей, в частности, эссива. Так, Л. Хакулинен пишет: „Из внутренне-местных падежей падеж нахождения „в(где)“, инессив, в современном литературном и национальном финском языке имеет окончание *-ssa*, *-ssä* < **-sna*, *-snä*; выступающее в нем *-na*, *-nä*, очевидно, то же, что и окончание эссива, т. е. древний признак локатива“.²

„Окончание падежа нахождения „на, у(где)“, адессива, *-lla*, *-llä* < **-lna*, **-lnä* содержит тот же локативный элемент *-na*, *-nä*, который выступает и в эссиве и в инессиве: компонент *-l* перед ним

¹ J. Kalima. *Itämerensuomalaisten kielten balttilaiset lainasanat*. Helsinki, 1936, стр. 59.

² Л. Хакулинен, цитируемая работа, стр. 87.

является, вероятно, тем же, что и в локальном словопроизводном суффиксе *-la, -lä* (*etelä* „юг“, *pohjola* „север“, *appela* „дом тестя, свекра“).¹

Немаловажным представляется также значение саамского языка в чисто лингвистическом плане, в частности, при выяснении развития значений падежей, происхождения некоторых падежей, происхождения глагольных форм и т. д. Так, значение орудийности, выражаемое некоторыми падежами, показателем которых является *-guim, -guim*, развилось из первоначальной комитативности (совместности), сравни: *parna pudden' školaija modčes kniškaguim* „ребята пришли в школу с красивыми книжками“; *sij vul'gen' varra udc parnaguim* „они пошли в лес с маленькими ребяташками“. В данных предложениях формант *-guim* передает совместность действия. В предложениях же: *sij voal'ten' vuntas kuem' reguim* „они брали песок горстями“; *tenna monn uina ižan čel'meguim* „это я видел своими глазами“; формант *-guim* передает орудийность. Развитие комитативности в орудийность наблюдается и в других языках, в частности, в тюркских.²

В финноугорских языках существовала закономерность образования вторичных падежей из послеложных конструкций. Так, проф. Д. Бубрих пишет: „Новые обстоятельственные падежи формировались уже по-новому. Это хорошо прослежено в традиционной науке, хотя в отдельных случаях объяснения оказываются и неверными. Пути формирования новых обстоятельственных падежей следующие: сращение послелога (по происхождению существительного в том или ином из первичных падежей) с предшествующим существительным; морфологическое перераспределение слова, в результате которого словообразовательный суффикс отходит в состав падежного окончания; по-разному поставленное комбинирование показателей первичных падежей“³.

В саамском языке и сейчас еще прослеживается происхождение некоторых вторичных падежей из сращения послелогов с предшествующими именами существительными. Так, падежи комитатив и эссив произошли при наращении послелога к имени (см. примеры выше). Довольно ясно прослеживается происхождение инессива (внутренне-местного падежа) единственного числа (окончание *-s't'*). Сравни такой послелог-наречие *sisin'* „внутри“, а также *sizmuš* „внутренности“.

Значительную роль могут сыграть данные саамского языка при рассмотрении генезиса глагольного предложения в финноугорских языках и, в частности, вопроса о происхождении личных форм глагола. Общеизвестно, что личные местоимения, имеющие общую генетическую связь с притяжательными суффиксами, легли в основу образования личных форм глагола. В связи с образованием глагольных форм не лишне отметить поразительную близость глагольных и именных основ в саамском языке. Саамский язык показывает собой пример, где различие между именем и глаголом сказывается не так резко, как в индоевропейских и в некоторых финноугорских языках.

Можно было бы продолжить примеры, где саамский язык, сохраняя моменты более архаического состояния, может в некоторой

¹ Л. Хакулинен, цитируемая работа, стр. 88—89.

² А. М. Щербак, Реликты комитативного строя в тюркских языках, „Научная сессия молодых ученых, посвященная памяти Н. Я. Марра“ (тезисы докладов), изд. АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 19.

³ Д. В. Бубрих, Сравнительная грамматика финноугорских языков в СССР, Учен. зап. ЛГУ, Серия востоковедч. наук, вып. 2, изд. ЛГУ, 1948, стр. 69.

степени объяснить происхождение грамматических категорий родственных финноугорских языков, в частности, происхождение *m*-овых инфинитивов в финском-суоми языке, а также некоторых словоизменятельных категорий из словообразовательных. Сравни суффикс причастия *-ynč*, *-inč*: *valtynč* „бравший“; *sarnynč* „говоривший“ и т. д. и уменьшительный суффикс *-ynč*, *kidt* „рука“ — *kidynč* „ручка“, *pert* „дом“ — *pertynč* „доминок“; *kul' l'* „рыба“ — *kuellynč* „рыбка“ и т. д.

Однако приведенных выше примеров вполне достаточно, чтобы показать, какое значение имеет саамский язык для финноугорского сравнительного языкознания. Необходимо лишь подчеркнуть чрезвычайную важность быстрее сбора лингвистического, топонимического и этнографического материала, ибо, как писали еще в 1911 г. русские академики, „ценнейший этнографический и лингвистический материал, представляемый финноугорскими народностями, населяющими Россию, с каждым годом умалается под напором культуры, идущей из городских центров в сельские местности: его настоятельно необходимо описывать и исследовать“.¹

В июле-августе 1955 года состоялась вторая диалектологическая экспедиция по сбору диалектного материала саамского языка.² Цель этой экспедиции состояла в дальнейшем продолжении сбора материала по диалектам и говорам языка кольских саамов. Основное внимание было уделено сбору лексики и морфологии. В связи с вопросами лексики и морфологии саамских диалектов и говоров были затронуты также и вопросы фонетики и синтаксиса, ибо невозможно изучать вопросы морфологии вне связи с синтаксисом. Вопросы фонетики, в частности, явление чередования гласных и чередования согласных, проявляются в различных формах слова. Попутно решались вопросы фонетики, связанные с определением фонемного состава того или иного диалекта или говора.

Для общего ознакомления с диалектом и говором была составлена программа с учетом фонетических, морфологических и лексических особенностей саамского языка. Особое внимание уделялось записыванию текстов — сказок и бытовых рассказов. Практиковалась также запись отдельными предложениями с целью выяснения тех или иных вопросов фонетики или морфологии.

Материалы экспедиций позволяют сделать некоторые предварительные выводы.

Подтверждается мысль о том, что язык кольских саамов имеет в основном три диалекта: кильдинский, нотозерский и иоканьгский.³ К кильдинскому диалекту принадлежат говоры села Ловозеро, поселка Териберка, села Воронье, Чудз-явр и Варзино; к нотозерскому диалекту относятся говоры сел Тулома и Нотозеро; к иоканьгскому диалекту принадлежат говоры села Иоканьга и Чальмны-Варры.

Следует указать, что в настоящее время представители трех диалектов в основной своей массе не имеют между собой непосредственного контакта. Саамская речь представляет собой разрозненные островки в море русской речи. Это обстоятельство создает предпосылки для быстрого перехода саамов на русский язык. Уже в настоящее время все саами двуязычны. Саамский язык служит средством общения только в домашне-бытовой обстановке.

¹ Цитированная выше (на стр. 106) „Записка“, стр. 864.

² Первая экспедиция была в 1954 году.

³ А. Г. Эндюковский, цитируемая работа, стр. 126.

В вышеуказанных диалектах имеются значительные фонетические различия, затрудняющие взаимное понимание между представителями различных диалектов. Эти различия проявляются в более или менее регулярных соответствиях гласных и согласных звуков по диалектам. Закономерности этих соответствий еще не установлены точно, т. к. имеется множество случаев, сбивающих эти соответствия.

Приведем некоторые фонетические соответствия гласных по диалектам:

кильдинский ¹	нотозерский	иоканьгский	
<i>u</i>	<i>ue</i>	<i>ы</i>	
<i>ku'l'</i>	<i>kuɛ'l'</i>	<i>ky'l'ä</i>	рыба
<i>kušk</i>	<i>kuɛšk</i>	<i>kyšk</i>	водопад
<i>sul'l'</i>	<i>suɛ'l'l'</i>	<i>sy'l'l'a</i>	соль
<i>nur'r'</i>	<i>nuɛrr'</i>	<i>nyr'r'ä</i>	молодой
<i>ludt</i>	<i>luɛht</i>	<i>lydt</i>	пуля
<i>ue</i>	<i>ua</i>	<i>ε</i>	
<i>kuɛs's'</i>	<i>kuas's'</i>	<i>kes's'</i>	когда
<i>cuɛmp</i>	<i>cuabp</i>	<i>cɛmbaj</i>	лягушка
<i>puɛrnɛ</i>	<i>puarnɛ</i>	—	поправляться

По некоторым словам могут быть перебои в соответствиях:

кильдинский	нотозерский	иоканьгский	
<i>ruvot'</i>	<i>ruvot'</i>	<i>rivd'd'a</i>	железо
<i>čud't'</i>	<i>čuah't</i>	<i>čidta</i>	сто
<i>čumt</i>	<i>čumt</i>	<i>čimt</i>	чешуя

Некоторые соответствия согласных звуков по диалектам:

кильдинский	нотозерский	иоканьгский	
<i>gk</i>	<i>hk</i>	<i>gk</i>	
<i>loagk</i>	<i>lahk</i>	<i>lagk</i>	потолок
<i>cigk</i>	<i>ciehk</i>	<i>cigk</i>	туман
<i>šag'k'</i>	<i>šah'k'</i>	<i>šag'k'</i>	свинья
<i>bp'</i>	<i>hp</i>	<i>bp'</i>	
<i>kob'p'</i>	<i>koahp'</i>	<i>kobp'ä</i>	яма
<i>kɛbp</i>	<i>kɛhp</i>	<i>pačk'em</i>	болезнь
<i>mp</i>	<i>bp</i>	<i>mp,mb</i>	
<i>cuɛmp</i>	<i>cuabp</i>	<i>cɛmbaj</i>	лягушка
<i>suɛm'p'</i>	<i>subp</i>	<i>sɛmp</i>	палка

Так же, как и в гласных звуках, соответствия в согласных звуках могут перебиваться.

Между диалектами имеются также лексические различия, например:

кильдинский	нотозерский	иоканьгский	
<i>boran</i>	<i>vijorsz</i>	<i>lambpes'</i>	баран
<i>oasse</i>	<i>par'v'</i>	<i>assyj</i>	одежда
<i>vuɛrpen'</i>	<i>vuabn'</i>	<i>vyɛrbpan</i>	сестра
<i>kɛbp</i>	<i>boles't'</i>	<i>pačk'em</i>	болезнь

¹ Примеры даются по ловозерскому говору.

кильдинский	нотозерский	иоканьгский	
<i>čuskas</i>	<i>čuahkas</i>	<i>rydt</i>	дорога
<i>viere</i>	<i>viarc</i>	<i>puŋk</i>	мешок
<i>kut'k</i>	<i>čedduš</i>	<i>kyt'k'e</i>	сердце
<i>vaptək</i>	<i>bohtəs'</i>	<i>kyš's'a</i>	богатый
<i>odləs'</i>	<i>tovdəs'</i>	<i>siryv</i>	быстрый
<i>sur'khe</i>	<i>sur'ktəd'</i>	<i>palgedtad</i>	испугаться
<i>kiəlsellə</i>	<i>luantellə</i>	<i>tibyləd</i>	лгать

Основной словарный фонд и грамматический строй всех диалектов является общим, хотя общение в настоящее время между представителями различных диалектов затруднено, а в некоторых случаях и невозможно. Диалекты саамского языка в своем развитии не могли консолидироваться и тем более выработать единый по своему грамматическому строю, словарному составу и фонетике язык, понятный для всех саамов. Такое положение было обусловлено всем ходом экономического развития народности саамов. Саами в основной своей массе вели полукочевой образ жизни, были экономически слабо развиты, сильно разобщены и поэтому не могли тяготеть к какому-либо определенному экономическому центру. Этому способствовало также раннее проникновение русских на Кольский полуостров.

В морфологической структуре диалектов также имеются различия, обусловленные в большинстве случаев их фонетическим развитием.

Из морфологических различий, не обусловленных фонетическим развитием, в иоканьгском диалекте можно отметить следующие:

1. Наряду с аналитическим способом (т. е. с помощью вспомогательного глагола) выражения модальности имеются случаи выражения модальности морфологическим способом, т. е. при помощи суффикса *-č*, например: *mun logčim tamme kniška* „я хочу прочитать эту книжку“, сравни *mun logkim tamme kniška* „я читал эту книжку“; *mun asčim pərt* „я хочу построить дом“, сравни *mun assim pərt* „я построил дом“. (Выражение модальности морфологически возможно не от всех глаголов.) Аналитическим способом модальность выражается с помощью глагола *tuvnadtə* „хотеть“, например: *mun tuvnadəm logkid kniška* „я хочу прочитать эту книжку“; *mun tuvnadəm assid pərt* „я хочу построить дом“. Однако это явление требует еще дальнейшего более тщательного исследования.

2. В иоканьгском диалекте падежный суффикс *-gojm*, *-gejm* (соответствия: в кильдинском *-gujm*, *-guəjm*, в нотозерском *-vujm*) имеет очень много значений, например:

а) выражает совместность: *olmyj man'ij kanzäs'gejm* „человек шел с друзьями“;

б) выражает орудийность: *olmyj viəija pədcigejm* „человек едет на оленях“;

в) выражает место: *sij jel'l'ev modčes' pərtkəjm* „они живут в красивых домах“ (однако, „они живут в красивом доме“ передается формой: *sij jellev modčes' pərhst*);

г) выражает объектные отношения: *olmyj pənnä čidzy paltsigəjm* „человек охраняет стадо от волков“.

В кильдинском же и нотозерском диалектах данный падеж выражает лишь совместность и орудийность.

3. Интересной особенностью иоканьгского диалекта является своеобразное выражение множественного числа. Обычно во всех диалектах множественное число имен выражается в номинативе изменением основы (например, *kuss* „ель“, *kuuz* „ели“) и в косвенных

падежах окончаниями и суффиксами *-ε-*, *-ы-*. В иоканьгском диалекте имеется случай, когда послелогои также получают признак множественного числа, например, *jogk kyrs't' oarr modčes' parht* „у реки стоит красивый дом“ и *šurr jogk kyrn' liin' sijd* „у больших рек располагаются (есть) селения“.

Грамматические особенности, характерные для всех диалектов

В саамском языке (как и в других финноугорских языках, исключая прибалтийско-финские) прилагательные и числительные, как правило, не согласуются с именами существительными ни в числе, ни в падеже. На фоне общего несогласования интересной особенностью, характерной для диалектов саамского языка, является согласование числительных с именами существительными в сопроводительном падеже и падеже состояния, например: *učitεl' vul'ki varra vεdεin' parnεn'* „учитель отправился в лес с пятью учениками“ (кильдинский диалект); *mahtij vyεl'ki varra vεdyjn' skol'n'ik'in* „учитель отправился в лес с пятью школьниками“ (иоканьгский диалект); *učitel' varra vul'ij vidyn' parny'n* „учитель пошел в лес с пятью ребятами“ (нотозерский диалект). В остальных семи падежах согласования нет, например, в инессиве: *vεdant školas't' li jennε učinehke* „в пятой школе есть много учеников“ (кильдинский диалект).

Однако в нотозерском диалекте согласование наличествует. Согласование, возможно, появилось под влиянием финского языка, например: *vidas' školas' jennε li vuapstεdjette* „в пятой школе много (есть) учеников“. Вопрос о согласовании числительного с существительным в нотозерском диалекте также требует более тщательного исследования, т. к. формант *-s* в числительном, возможно, является показателем порядковости.

Одной из интересных особенностей саамских диалектов вообще является их взаимопереходность. Территориально близкие диалекты имеют больше общих черт в лексике и грамматике, чем диалекты, далее отстоящие друг от друга. Говор, стоящий на границе диалектов, совмещает в себе признаки обоих диалектов. Показательным в этом отношении является варзинский говор кильдинского диалекта. Хотя лексика этого говора в основном совпадает с лексикой говоров кильдинского диалекта, в нем есть элементы лексики иоканьгского диалекта, например:

ловозерский	варзинский	иоканьгский	
<i>n'uemmεl'</i>	<i>kurij</i>	<i>kurja</i>	заяц
<i>mištεg</i>	<i>vašš</i>	<i>vašša</i>	куст
<i>kεbp</i>	<i>pačket</i>	<i>pačket</i>	болезнь

Интересным явлением во всех диалектах является аналитический способ выражения сослагательного наклонения (наряду с выражением отдельной морфемой *-č-*, соответствующей показателю сослагательного наклонения *-isi-* в финском языке). Сослагательное наклонение в саамском языке выражается при помощи имперфекта вспомогательного глагола *lie* „быть“ и инфинитива основного глагола, например: *mun jehta vuεstε l'eije akš, tar'm vuεlje l'eije jodtε murε gorra* „если бы я вчера купил топор, я сегодня мог бы поехать за дровами“; *puεdtε l'eijeh jevtlagka, tonn vuεstlεhčeh kul'š=l'jedtε* „если бы ты пришел пораньше, ты встретил бы рыбаков“ (в последнем предложе-

нии в слове *vuestlähčeh* сослагательное наклонение выражено суффиксом -č-).

Характерным для всех диалектов саамского языка на Кольском полуострове является наличие сложных глагольных времен (перфекта и плюсквамперфекта). Образование сложных времен, как и в финском языке, происходит по обычным моделям: спрягаемый вспомогательный глагол + форма причастия или деепричастия (при образовании плюсквамперфекта вспомогательный глагол выступает в имперфекте). Причастие выступает в неизменяемой форме как при образовании единственного, так и множественного числа. Например, в ловозерском говоре: *monn l'a kisma nur'r'* „я свил веревку“ (перфект); *monn lije kisma nur'r'* (плюсквамперфект).

Большой интерес в диалектах саамского языка представляет категория множественного числа. Эта категория в саамском языке в номинативе не имеет твердого морфологического показателя. Множественное число в номинативе выражается главным образом путем чередования гласных и согласных звуков основы слова, например: *netm* „имя“, *neem* „имена“; *kebp* „болезнь“, *keebē* „болезни“; *kuss* „ель“, *kuuz* „ели“; *ruvt'* „железо“, *ruvd'* „железо“; *ludt* „пуля“, *luudē* „пули“ и т. д. В косвенных падежах множественное число выражается кроме того падежными суффиксами, а также показателем множественности -e- или *ы*. Вообще категория множественного числа является одной из сложных и до последнего времени не освещенных в литературе разделов грамматики саамского языка. Дело осложняется еще и тем, что эта категория, не имея твердого морфологического показателя, в связи с сильным потоком заимствований из русского языка не успевает грамматикализироваться в соответствии с фонетическими законами саамского языка. Особые трудности представляет собой выявление этой категории в определительных сочетаниях, т. к. генитив единственного числа имени существительного по своей форме совпадает с номинативом множественного числа.

В дальнейшем работа по изучению диалектов саамского языка должна идти в плане монографического описания разделов фонетики, морфологии и синтаксиса по каждому отдельному диалекту с привлечением материалов по говорам. Особое внимание следует уделить фиксации лексики, особенно специфически производственно-бытовой, т. к. лексика является наиболее уязвимым местом со стороны инносистемного языка.